

18+

Марат Гизатулин

Он позвонил

Марат Гизатулин

Он позвонил

«Издательские решения»

Гизатулин М.

Он позвонил / М. Гизатулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511568-3

События, описанные в повести, относятся к концу 1980 — началу 1990-х годов, времени грандиозного перелома в жизни нашей страны. Спустя несколько десятилетий автор пытается осмыслить ту удивительную и страшную эпоху. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511568-3

© Гизатулин М.
© Издательские решения

Он позвонил

Марат Гизатулин

Дизайнер обложки Игорь Меглицкий

© Марат Гизатулин, 2021

© Игорь Меглицкий, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-1568-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Он позвонил и представился знакомым моего ленинградского приятеля. Ой, нет, сначала он не позвонил. Сначала случилась перестройка.

Перестройка. «Совок», хоть и тронут уже ржавью, но ещё кажется, что это только снаружи. И в страшном сне никто не видел, что конец совсем близко. Или в приятном сне, неважно, главное, что не видел никто. Теперь, правда, чем дальше, тем чаще встречаются люди, которые давно всё знали и предвидели, но тогда они стеснительно молчали.

И вот гласность, понимаешь, ускорение и плюрализм... Они как наберут силу, как снова зашагаем мы вперёд семимильными шагами! Да что там зашагаем – побегим, с ветерком догоняя и перегоняя Америку! У нас это издавна любимый вид спорта.

А главное – новые формы хозяйствования, возможность не батрачить на неведомого дядю, как это было принято семьдесят лет, а самому зарабатывать. Зачатки свободного предпринимательства, кооперативы со своими уставами, директорами и счетами в банке. Нам сказали:

– Давайте, ребята! Вперёд, всё в ваших руках!

Но сначала, ещё до кооперативов, появились так называемые центры научно-технического творчества молодёжи (НТТМ). Скромно и как будто даже ничего общего с предпринимательством. Само слово это – «предпринимательство» – пока ещё воспринималось как ругательное. От него уже и до слова «бизнес» рукой подать.

А про бизнесменов мы знаем! С детства насмотрелся я в газетах и журналах на омерзительные рожи тех, кто занимается этой гадостью. Все бизнесмены в карикатурах были как правило горбоносыми, плешивыми и старыми американцами. В отличие от меня, прямоносого, красиво причёсанного и молодого. Ничего общего у меня с этими мерзкими бизнесменами не было, и тем неприятней они выглядели в моих глазах, эти акулы с Уолл-стрита.

Хотя... насчёт носа... Он у меня весь изломан так причудливо, что прямым его только сильно подвыпивший Сальвадор Дали решится назвать. Но если смотреть на мою фотокарточку в профиль, нос мой будет вполне даже прямым. А здесь ведь главное – вид в профиль. У акул уоллстритовского бизнеса носы в профиль, в отличие от моего, напоминающего Ленинградский проспект, фрагментами московского Садового кольца смотрятся. И это ещё неприятней. Хищные такие носы, злые, как у стервятников. Не то, что у хороших людей – добрые, курносые, как у дельфинов.

Ладно, о носах и морально-этических качествах их носителей мы ещё как-нибудь поговорим. Здесь есть что возразить глупым фантазиям писателя Ивана Ефремова.

Я, пока не подрос до политической зрелости – лет до восьми, – думал, что мастурбацией заниматься очень плохо. Так мне говорили родители. Но, ставши зрелым и сознательным октябрёнком, я уяснил, что бизнесмены ещё хуже, и повеселел.

И вот жил я, жил, наслаждался рисунками Кукрыниксов и Бориса Ефимова, где они соревновались в кривизне носов отрицательных и в прямоте носов положительных героев. И постепенно понял, что с самого рождения я попал в королевство кривых зеркал. И прожив в этом королевстве всю свою жизнь, я не могу теперь адекватно оценивать не только прямизну носов, но даже преимущества онанизма перед бизнесом.

Ну, так вот: неожиданно свалились нам на голову гласность, ускорение и, не побоюсь этого слова, плюрализм.

Народу объяснили, что бизнес – это не так уж и плохо, а где-то даже хорошо. Но если только маленький, почти игрушечный бизнес. Народ не поверил. Потому, что не знал никогда, что частная собственность, это не ругательство, а просто нечто такое, чего никогда не было не только у нас, но даже и у прадедушек наших.

Ведь те поместья, что у некоторых из нас когда-то имелись, и крепостные рабы (тоже мы), не были настоящей собственностью. Царь дал, царь мог и забрать, проснувшись не с той ноги.

Недавно где-то прочитал, что в Японии есть маленький отель, которым более тысячи лет владеет одна семья! Странные они всё-таки люди, эти японцы! Забегая вперёд, вспомню, как на исходе второго тысячелетия купил я у государства (нашего, к сожалению, не японского) небольшой подвальчик в доме хрущобного типа. Всё чин чинарём: договор купли-продажи, свидетельство на собственность получил – вот она, частная собственность. Хороший такой подвальчик, только без света, трубы текут, и в образовавшихся озерах крысиные трупы плавают. Но неважно это всё – частная собственность же, можно и на ремонт потратиться. К началу третьего тысячелетия я ремонт наконец закончил и всё засияло в моём подвале! Потолки подвесные со встроенными светильниками, стеклопакеты и двери дубовые.

Тут и третье тысячелетие нагрянуло, а с ним и новый президент страны. Пришли в мой новый подвал новые чиновники, похвалили ремонт и огорошили:

– Это... Неправильно мы вам подвал продали, передумали мы.

– Как это передумали? Вот же у меня и свидетельство на собственность есть!

– Не-не, неправильно это всё. У нас московские и федеральные законы в противоречие вошли.

– А я здесь при чём? Я деньги за подвал заплатил сполна?

– О, не извольте беспокоиться, мы эти деньги как арендную плату вперёд будем считать. Сидите пока в своём подвале, – милостиво разрешили мне новые чиновники нового президента и удалились.

Мне не хотелось больше сидеть в моём подвале, и вообще сидеть я не хотел. Захотелось бросить всё и уехать, и забыть, как страшный сон, все мои попытки заниматься бизнесом в России.

Но это всё потом, а пока всё очень радужно, и даже центры научно-технического творчества молодёжи появились. Никакого бизнеса, только творчество. Притом научное и даже, чёрт побери, техническое.

2

И вот в этом ещё, казалось бы, крепком «совке» начали твориться такие вещи, что дух захватывало! Зарплата молодого инженера ещё была 120 рублей, а в НТТМах заработки стали составлять четырёхзначные цифры. В этом, как ни странно, ничего удивительного или криминального не было: молодые специалисты, объединившись в пятером-шестером по професси-

ональному признаку, напрямую заключали договоры с предприятиями и распоряжались заработанными деньгами по своему усмотрению. А раньше ту же работу выполняла какая-нибудь проектная организация со штатом в двести человек. Или научно-исследовательский институт со штатом в две тысячи.

Помню один из первых своих заработков на этой ниве – договор на проект пожарной сигнализации с одним из дворцов культуры. Мы тогда втроём за месяц тысяч шесть заработали, если не изменяет память. И поделили их поровну. А если эти деньги поделить на весь штат проектного института, пусть даже поровну? Но нас было только трое, нам не нужно было содержать партком, профком и комсомольскую организацию вкуче с дирекцией и штатом уборщиц, поэтому зарплатка у нас вышла солидной и приятно тяжелила карманы. Проект этот мы провернули на дому, в свободное от основной работы время. Это был 1988 год, и инженер в НИИ, повторюсь, всё ещё получал сто двадцать рублей в месяц, а буханка хлеба продолжала стоить двадцать копеек.

Потом были ещё какие-то проекты, и венцом моего предпринимательства в Узбекистане стал завод по производству мраморной крошки под городом Самаркандом. Ну, завод, это громко сказано, наверное, – оборудование стояло прямо под открытым жарким узбекским небом, и одна бытовка рядом, чтобы было, где рабочим переодеться-перекурить. Ну, для начала и это неплохо, главное, что завод уже выдавал продукцию.

Предприятие по выработке мраморной крошки мы построили опять втроём с двумя моими приятелями. Всё основное оборудование я купил на своём родном заводе в Чирчике. Купил как металлолом, как бы не за те же шесть тысяч рублей, какие мы заработали в начале предпринимательства. Но для этого пришлось сначала облазить на родном предприятии все свалки металлолома и заброшенные бездействующие цеха. Так что урона родному заводу я не нанёс, если не считать, что прихватил оттуда ещё своего приятеля инженера-механика. Всё найденное, в том числе новоявленный главный инженер будущего завода, было перевезено двумя длинномерными КАМАЗами на месторождение мрамора под город Самарканд. И через месяц завод действовал. Тогда чиновники ещё не придумали миллионы всяких согласований, чтобы самим поучаствовать, поэтому мы быстро завод сделали. Конечно, если бы нынешних ушлых чиновников в те времена, мы бы и по сегодня завод не запустили.

К сожалению, воспользоваться плодами мраморного завода мне не довелось, ибо пока мы его строили, я всё чаще уезжал в Москву и оставался там всё на дольше. И, в конце концов, однажды оттуда не вернулся.

Вот странная в моей судьбе закономерность – время от времени я вынужден бываю бросать всё, что нажито непосильным трудом, и начинать всё сначала. И в первый раз это случилось, когда я навсегда покинул Узбекистан. Всё, что нажито было за долгую тамошнюю жизнь, я оставил там. Только свою огромную коллекцию марок забрал с собой. Ну, автомобиль ещё перегнал в Москву. Писем от друзей и подруг ещё был чемодан, но их в Москву я забирать не стал – сжёг их все в банной топке. Вроде и небольшой чемодан был, но как же долго они горели! Минут сорок я с ними пропыхтел.

Всё остальное оставил. Особенно жаль мне огромного количества старых книг, журналов и газет, которые я всю сознательную жизнь покупал, собирал по помойкам и тырил из макулатуры, которую мои бесхитростные одноклассники, как муравьи, тащили в школьный двор. Из остального имущества почему-то ничего больше не вспоминается.

В Москве осел, казалось, навсегда, хотя она мне и не нравилась. И, действительно, почти четверть века прожил там по одному адресу. А потом вдруг снялся, как перепуганная цесарка и улетел, опять оставив всё, что нажито непосильным трудом, чуть ли не в одних трусах. И даже письма в этот раз не успел сжечь. Но марки зачем-то опять забрал.

Потом ещё два-три года прослонулся по Москве, вновь обрастая имуществом и жирком. Но Москва и погода её, стремительно меняющаяся, мне нравились всё меньше, и вздумалось мне опять переехать. Подальше куда-нибудь. Выбрал Черногорию.

Уезжая, не думал, что это будет навсегда. Поэтому крупное имущество – мебель, технику – оставлял родственникам и друзьям на временное пользование. А остальное всё, любовно упакованное в коробки, – книги, домашнюю утварь, детские игрушки – свалил в подвале у отца на даче. Марки спрятал понадежнее – на антресолях в гараже. Я потом вернусь и разберусь. Потом.

В Черногории надолго я не задержался – меньше двух лет прожил. Успел только обставить дом, обустроиться и садик посадить. Уезжая оттуда, я уже ничего по коробкам не упаковывал, оставил всё, как есть. Только игрушки мы с женой в детскую кроватку покидали, чтобы они на полу не валялись.

Даже автомобиля на этот раз не забрал. Я переезжал на остров, машиной туда не доехать. Можно было, конечно, отправить её паромом, но не стоила она таких затрат. Да и руль у черногорской машинки не с той стороны для этого острова.

В последний приезд в Москву обнаружил, что всё более или менее стоящее из моих вещей, оставленных папе на хранение, он раздал. В подвале остался только хлам. И правильно сделал папа, потому, что вся та мебель и техника, что я оставил на хранение друзьям и родственникам, давно уже устарели морально и физически.

И только марки, надёжно упакованные на антресолях гаража, так и остались нетронутыми. Конечно, если бы я вернулся в Москву насовсем, а не на два дня, я бы их достал с антресолей и расставил бы свои альбомы красиво в книжном шкафу. Хотя они, наверное, истлели давно. Но я этого никогда не узнаю. Потому, что не вернусь я сюда ни завтра, ни потом. Хотя бы потому не вернусь, чтобы не узнать, что марочки мои истлели.

Последние тринадцать лет я на Кипре. Барахла неизвестным образом опять накопилось столько, что и в гараже не помещается – даже сад пришлось захлупить. И если вдруг опять куда-то переезжать, то всё это опять бросить придётся. Ладно барахло, а курочки, а уточки, а деревья? Нет, надо найти здесь свой покой.

3

Барахолка в маленьком узбекском городе открывалась ранним утром по субботам в пойме давно высохшей реки, о которой и старожилы уже позабыли. Все, кому есть, что предложить не особо придирчивому советскому покупателю, уже в полшестого утра красиво раскладывали свои богатства в придорожной пыли вокруг своих худых и нагруженных или толстых больных, но тоже нагруженных ног. Чего здесь только не было!

И одежда всякая, потерявшая всякий лоск и смысл, если она не военная. Последняя оставалась выглядеть горделиво, даже с не выжженными солнцем участками от ремней, портупей и дырочками от наград и знаков отличий.

Нет, ругать за бедность нашу барахолку не надо. У нас там всякая и гражданская одежда была, и не просто пиджаки и юбки. Пиджаки ценились за количество карманов в них, а юбки за количество оборок. И даже трусы, лифчики и носки ношенные тоже продавались. Но последнюю мелочёвку продавец обычно в одну кучу сваливал и жаждущие могли в ней копать, сколько им вздумается, удовлетворяя свои эстетические и прочие потребности.

Были другие специалисты, которые предлагали покупателю только что-нибудь железное. Ржавые болтики, замочки, задвижки и шпингалетики составляли их основное предложение. Среди железок попадались и не ржавые, а светящиеся благородным блеском даже через патину времени какие-нибудь бронзовые задвижки или даже подсвечники, бесстыдно напоминающие, что до нашего времени было и другое какое-то время.

Почему-то ни продавцам, ни покупателям не казалась странной и или даже ужасной разница между современными задвижками и старинными. Хотя если бы догадались сравнить нынешнюю с той, что продолжает светиться сквозь патину времени, то повесились бы сразу, купив предварительно здесь же не до конца сгнившую верёвку.

Другие специализировались на полиграфической продукции, или на грампластинках, или на своих физических увечьях и недостатках.

Моя бабушка ни на чём не специализировалась. Она продавала всё. Всё, что ей домой приносили на продажу жители Химпосёлка. Поэтому её два квадратных метра на барахолке я по справедливости должен назвать универмагом. Или даже правильнее, универсамом – она ведь и продукты продавала. Семечки, пастилу фруктовую собственного изготовления.

А вот сосед бабушкин по барахолке дядя Коля – тот специалист был. Он торговал исключительно радиодеталями. Они хоть и мелкие, но их же легион, радиодеталей, если кто понимает. И все два квадратных метра перед продавцом были, как поле с задумавшимися тараканами. Не могу сказать, что у радиолюбителя торговля бойчее шла, чем у моей склонной к супермаркетному бизнесу бабушке.

Но вот однажды в субботу, не с утра, а уже ближе к закрытию барахолки подскакивает к бабусиному соседу очень возбуждённый гражданин. И умоляет о спасении. Ему срочно нужна некая радиодеталь, притом в большом количестве.

Оказывается, ему нужен резистор, маленький такой, зелёный, на 20 ом, причём постоянный. Переменные резисторы, конечно, подороже будут, но ему нужен именно постоянный, которому цена две копейки и которым завалены все радиомагазины.

Кстати, отвлекаясь от повествования, хочу про переменные резисторы сказать два слова. Чтобы не подумал недоверчивый читатель, что выдумываю я всё, в том числе и слово «резистор». Так вот, переменный резистор – это крутилка на радиоприёмнике, например, чтобы громкость регулировать. Ну, это я для тех читателей говорю, которые помнят ещё, что раньше была крутилка. Нет? Не помнит уже никто?

Ну и ладно! Пусть резистор останется моим изобретением!

Так вот, незнакомцу нужен был именно постоянный резистор, маленький, зелёный с двумя проводками по концам. Ему цена, напоминаю, две копейки, и им завален весь радиотдел нашего магазина.

А тем временем любитель резисторов на барахолке аж трясётся весь. Оказывается, он специально из Ленинграда приехал. Там у них очень большой институт, и работают они над очень серьёзным проектом, и очень срочно им кое-чего не хватает. А именно резисторов на 20 ом. Их надо, оказывается, ни много ни мало – двести семнадцать тысяч штук. Ну, конечно, весь Совет Министров Советского Союза напрягли. Министерство радиоэлектроники без выходных работало, но смогло пообещать, что в такие ограниченные сроки они смогут только сто пятьдесят тысяч сделать. Выручило Министерство торговли. Оказывается, выпущено уже достаточно много этих резисторов, и они пылятся в торговых сетях нашей необъятной родины. Особенно в среднеазиатских республиках они плохо расходятся – радиолюбителей мало.

И вот ленинградский институт снарядил нескольких своих сотрудников добрать недостающее.

Сосед моей бабуси по барахолке дядя Коля так растрогался и так преисполнился патристическими чувствами, что тут же согласился продать ленинградцу всё, что у него есть – по пятьдесят копеек за штуку. Вообще-то в магазине эта радиодеталь стоит раз в пять дешевле, но дядя Коля преисполнился важной государственной задачей и побоялся продешевить. Ленинградский покупатель зашикал на него – негоже подробности сделки так громко озвучивать. Можно, оказывается, по семьдесят в документах записать, а с лишними двадцатью копейками они как-то разберутся.

У продавца, к сожалению, с собой оказалось только четырнадцать штук искомых деталей, но он пообещал, что дома ещё штук тридцать есть. Поехали домой, и там, действительно, ещё нашлось. Ленинградский покупатель рассчитался сполна полноценным рублём и даже выписал квитанцию за 44 единицы по 70 копеек за штуку. Сверхприбыльные деньги тут же поделили, но ленинградец расстроенным остался – такими темпами наш проект не скоро закончится, и американцы обгонят нас в космосе, империалисты проклятые!

Покупатель очень добросовестным работником оказался и тем же вечером выехал на поезде в соседнюю среднеазиатскую республику, пообещав, что вернётся через неделю, ровно к следующей барахолке, чтобы выкупить всё, что успеет найти его новый друг.

Владелец радиоотдела узбекской барахолки назавтра побежал в родной универмаг, чтобы всё перепроверить, и да, оказывается, позавчера приходил некто странный и выкупил все резисторы по 20 ом.

В очередную субботу дядя Коля, объездивший за неделю все близлежащие кишлаки и выдравший из всей домашней радиоаппаратуры все кишки, сидел на барахолке праздничный и где-то даже торжественный.

Да, он не сумел собрать искомое количество, да и где уж – весь Советский Союз надрывается. Дядя Коля взял больничный на работе и за эти дни умудрился объехать всю республику в поисках нового золота. И преуспел в этом – 2600 штук резисторов у него лежало в не приметной сумке.

До базарного дня оставалось время, и дядю Колю обуревало беспокойство – а ну как ленинградский учёный больше не приедет? Но профессор приехал, никуда не делся. Узнав, что дядя Коля так много резисторов сумел выискать, ленинградец похвалил его за хорошую работу.

Пока профессор радовался, к нему вдруг подошли два очень скромных и уважительных узбека и говорят:

– Володя-ака! Куда же вы пропали? Мы для вас плов сделали, не побрезгуйте! Можно мы вас на полчаса отвлечём от важных дел?

Володя-ака забеспокоился было, но, увидев, что дядя Коля-барахольщик одобрительно улыбается, тоже разулыбался. И даже портфель свой с важными бумагами дяде Коле оставил на сохранение.

Едва Владимир-ака скрылся из вида – дядя Коля ещё продолжал улыбаться – как к нему подскочил какой-то другой псих и тоже русский с необычной пенопластовой коробкой в руках. Возбуждённый незнакомец спросил ленинградского Владимира, и дядя Коля доброжелательно объяснил ему, что Владимир отошёл, но через часок вернётся. Психованный остался ждать, но очень нервничал и всё время поглядывал на часы.

Володя задерживался, незнакомец всё чаще беспокоил свои часы. Наконец, он не выдержал и бросил свою пенопластовую коробку на землю. Оказывается, он на самолёт опаздывает, а там, куда он летит, жена рождает первенца.

Попричитав, он снова схватил свою коробку и быстрым шагом пошёл к выходу с рынка. Неожиданно он остановился, вернулся и раскрыл коробку, зеленеющую изнутри резисторами зелёного цвета.

– Здесь 5800 штук! Мне Владимир обещал по 70 копеек за штуку. Я вам отдам по 35 копеек.

Коля, конечно, у всех своих соседей денег назанимал, но сумел набрать только полторы тысячи рублей. Эти полторы тысячи рублей дядя Коля и предложил владельцу пенопластовой коробки – всё, что есть. Готовящий стать отцом психопат ещё подёргался немножко и согласился. И получивши деньги, тут же побежал на самолёт.

Больше дядя Коля никогда его не видел, как не видел больше и Володю-ака или вообще кого-нибудь из ленинградцев.

Надо заметить, что Володя-ака из Ленинграда не был большим оригиналом – такая схема мошенничества описана многожды, поэтому оставим о нём рассказ и вернёмся к предыдущему.

4

Однако на мысли о том, что я всё чаще и чаще стал уезжать в Москву и, в конце концов, остался там, меня понесло не в ту степь. Здесь надо объяснить, с чего же это я, если за предыдущие десять лет, включая учёбу в институте, Москву так и не полюбил, стал туда наезжать всё чаще и чаще. Сидел бы себе под Самаркандом на мраморном заводе да барыши подсчитывал. Но нет, появились новые задачи.

Начиналась в Советском Союзе эра персональных компьютеров, и начиналась она, конечно, в Москве. На Западе эта эра началась двумя десятилетиями раньше.

Плодотворная дебютная идея заняться компьютерами принадлежала моему троюродному брату, отцу-основателю нашего кооператива. Это всё он. Это он, превосходящий по своей талантливости, нудности и упёртости всякие разумные пределы, заставил меня уволиться с химического предприятия и отправиться в свободное плавание.

Нет, здесь, пожалуй, надо вернуться сильно назад, ещё до мраморного завода под Самаркандом и даже до пожарной сигнализации во дворцах культуры.

Это почему же меня всё время так штормит, что я никак не могу последовательно события излагать? Наверное, потому, что урок в школе, когда объясняли, что к сочинению прежде план надо писать, я пропустил. Ну и общее моё разгильдяйство нельзя со счетов сбрасывать. А также крепчающий возрастной и усугублённый нехорошими привычками маразм не станем скрывать.

Вернёмся во времена, когда я ни на какие авантюры нового времени и нового мЫшления не поддавался, а работал себе тихо мирно на крупном химическом предприятии. И не собирался оттуда увольняться ни за какие коврижки. И тому была веская причина – я был записан в очередь на швейную машину, хотя непонятно, зачем она мне. Но если, чтобы её купить, надо несколько лет в очереди стоять, должно быть, вещь хорошая и нужная.

Когда я пришёл в цех после окончания института, ко мне чуть ли не сразу подскочила симпатичная такая, в рыжих завитушках председатель цехкома, взяла меня под руку и говорит, чтобы я, не откладывая, сейчас же в очередь записался на швейную машинку «Подольск».

Я попытался возразить, что шью редко – всё больше крестиком вышиваю.

Её красивые голубые глаза вдруг похолодели, как айсберги, а красивые крылья носа пришли в трепет, как крылья бабочки-капустницы в весенний момент самого сексуального восторга. И я услышал гневные слова:

– Ты что, ебанутый?!

Я опешил и на всякий случай, чтобы избежать скандала – может, здесь у них так принято, нормальных не держат – согласился, что да, есть немного. Но в самую меру, только чтобы мастером в их цехе работать.

Она потушила гнев и дарила меня своей улыбкой, пока я подписывался в очередь на швейную машинку «Подольск», и поводи́ла по строчкам сладкими пальчиками незамужней ручки.

Потом она отвела меня в сторонку и, горячо дыша мне в ухо, сказала, что уже через два месяца меня в очередь на холодильник запишет вместо того, чтобы полгода ждать.

На холодильник я так и не записался, а швейную машинку «Подольск» купил бы, если бы через три года не уволился.

Так вот, мой троюродный брат сам жил в Ташкенте, но с завидной методичностью по несколько раз в неделю приезжал в Чирчик, чтобы свернуть меня с пути, как мне тогда казалось, истинного. В первый приезд он спросил меня своим бесцветным скрипучим фальцетом о моей зарплате на заводе. Я гордо ответил, что с разными премиями и добавками за вредность получаю 450—550 рублей в месяц, и посчитал вопрос исчерпанным, потому что в то время зарплата в 150 рублей считалась очень даже неплохой. Но кузена эта сумма не смутила, и он без всякой интонации и нажима заявил, что в НТТМ я буду зарабатывать 2000 рублей в месяц. Минимум.

Поверить в такие астрономические суммы было невозможно, и я, советский до мозга костей человек, возражал, что всё это ещё бабушка надвое сказала, а здесь, на государственной службе я уверен в завтрашнем дне.

Да, в этом и было главное преимущество социализма перед капитализмом – уверенность в завтрашнем дне. Там, в социализме, я мог быть уверен, что завтра, как и вчера, и позавчера, и послезавтра, я встану в полседьмого и пойду себе на родной завод, весело насвистывая или грустно прихрамывая, в зависимости от стажа работы.

Вот хоть что бы ни случилось, а я встану и пойду. И там, на заводе, – я знал это твёрдо – в двенадцать часов дня меня бесплатным обедом накормят. Очень вкусным обедом. Во всяком случае, тогда он был очень вкусным, я был уверен. И много, главное – супа полная тарелка, второе вообще чуть ли не из мяса, и чуть ли не сметаны полстакана в придачу. И ещё компот, компот обязательно!

И на что я всё это должен был променять?

Сегодня-то у меня нет никакой уверенности, что завтра будет компот. Даже наоборот, есть уверенность, что компота завтра не будет. Потому, что не пью я компота давно. И что обидно – не тянет совсем.

Возвращаясь к обеду заводскому – а хлеба вообще сколько хочешь! И всё это бесплатно, напомню! Нам на месяц давали бумажную простынку талонов, ими мы и расплачивались за великолепный обед.

Мало того, нам по талонам ещё в качестве компенсации за вредность (не нашу – химзавода) целых поллитра бесплатного молока полагалось, целых поллитра! Это уже ближе к концу рабочего дня, как бы на полдник. Многие, правда, предпочитали на молочные талоны в буфете сигареты брать, и в этом я вижу ещё одно проявление торжества демократии и преимущества социализма над капитализмом.

Всё это я пытался доходчиво объяснить своему назойливому кузену, который сам ни дня в своей жизни на заводе не работал, а теперь ещё во что бы то ни стало, решил меня вырвать из цепких лап здорового мировоззрения и коллектива. На мой последний довод кузен заметил, что в новой жизни я буду иметь вместо бесплатных сигарет «Прима» елецкой фабрики, цена которым четырнадцать копеек за пачку, платные американские «Мальборо» по рубль пятьдесят, и мне они не покажутся дорогими.

Хорошо, не сдавался я, а здесь, если однажды я не встану вдруг и не пойду на любимый завод, то самая бесплатная в мире медицина меня быстро на ноги поставит. А на работе тем временем у меня будет копиться каждый день по поллитра молока.

Но если при всём этом однажды я таки всё равно не встану и не пойду на любимый завод, меня забесплатно свезут на городское кладбище, будет бесплатно играть духовой оркестр, и над свежерытой могилой будут бесплатно говорить про меня проникновенные речи представители завкома, профкома и комсомольской организации. А на могилку мою потом поставятobelisk и оградку, и не просто железные, как всем, а из дорожной высоколегированной нержавеющей стали работы высококвалифицированных заводских сварщиков.

– А ты, ты что мне предлагаешь? Будет у вас в Ташкенте для меня оградка из высоколегированной стали? Не говоря уже про проникновенные речи завкома?

– А это главное, что тебе надо?

– Ладно, даже если я не умру и даже не заболею, завод меня два раза в год в свой собственный профилакторий устраивает. Без отрыва от производства, недалеко от проходной, чтобы близко к работе. Там я живу в тёплой палате целый месяц, ем три раза в день и оздоравливаюсь душами Шарко и кислородными коктейлями. И всё это совершенно бесплатно!

Дима мой – кузена Димой зовут – машет на меня рукой, как на безнадежно больного, и уезжает восвояси, чтобы через пару дней вернуться и снова меня смущать. А я уже новые аргументы приготовил:

– Летом я могу на нашу заводскую базу отдыха поехать, хоть на выходные, хоть на весь отпуск, и всю дорогу жрать там бесплатный заводской спирт самой высокой очистки!

Дима сам не пьющий и не курящий, поэтому цедит сквозь зубы презрительно, что на новой работе я смогу не спирта сколько мне влезет пить, а коньяка французского, и не на псевдоречке Акташке, а в благородных кабаках.

Забегая вперёд, должен заметить, что Дима как в воду глядел – довелось мне впоследствии напитки дорогие в интерьерах изысканных употреблять. Но что интересно – спирт на Акташке был много слаще, много...

Я ещё не успел Диме донести, что на пенсию я выйду в пятьдесят лет. Потому, что за вредность (не нашу – химическую) нас на десять лет раньше других на пенсию отпускали. Не все, правда, далеко не все доживали и до этого льготного срока. А те, что доживали, долго на пенсии не задерживались – год, два, но это детали... Про это я вовремя остановился и не стал Диме рассказывать, а вместо этого вдруг вспомнил, что у меня очередь на покупку швейной машинки «Подольск» подходит.

На это Дима слово в слово повторил вопрос, заданный мне когда-то рыжей председательницей цехкома. На что я ответил, что да, да, я такой! И не чуть-чуть, а на всю голову!

Здесь он впервые со мной согласился и резонно заметил:

– Ну, не понравится тебе на вольных хлебах, в своё родное стойло путь тебе всегда будет открыт.

Мне это почему-то в голову не приходило.

– Ну, хорошо, – наконец сдался я, – но теперь объясни, зачем именно я тебе так нужен, что ты, не жалея времени и сил, столько раз ко мне приезжал и печень мне выедал?

Дима засмеялся:

– Хороший вопрос! А ответ прост: ты умеешь разговаривать с людьми. Это, пожалуй, твой главный талант.

5

И вот теперь в Москве этот мой мнимый или реальный талант был просто необходим. Надо было протоптать дорожку к сердцу директора магазина «Электроника», что на Ленинском проспекте, и здесь таланта могло не хватить – гений нужен. Там продавался один из первых советских персональных компьютеров с красивым и неизбитым названием БК-0010. Точнее, на витрине он был, но купить его было нельзя. Существовала какая-то сложная система записей-отметаний на это чудо советской вычислительной техники, полгода надо было ждать. Причём, купивши компьютер один раз, ты лишался возможности купить ещё один, хотя бы снова через полгода. Паспортные данные счастливого обладателя БК-0010 вносились в магазинную базу данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.